Стань моей навсегда

Автор:
Нэйма Саймон

Стань моей навсегда

Нэйма Саймон

Любовный роман – Harlequin #1044

Чтобы избавиться от назойливых попыток матери женить его на светской львице, Грейсон Чендлер уговаривает сотрудницу своей компании Надю притвориться его невестой. Но сможет ли он устоять перед чарами этой юной красавицы?

Нэйма Саймон

Стань моей навсегда

Blame It on the Billionaire © 2020 by Naima Simone

«Стань моей навсегда» © «Центрполиграф», 2021

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2021

* * *

Глава 1

Почитай своих родителей.

Грейсон Чендлер подавил вздох. При всем уважении к Моисею, если бы тому довелось выслушивать нотации матери Грейсона на предмет отсутствия у него почитания, чувства долга и жены, он попросил бы Бога быть менее строгим насчет этой заповеди.

Не ругаться.

Не напиваться.

Не симулировать сердечный приступ, чтобы избежать ее бесконечных упреков.

На мгновение в душе Грейсона шевельнулось чувство вины. Но даже питбулю с его железными челюстями было далеко до его матери. Если она бралась за что-то, она не успокаивалась, пока не доводила дела до конца.

И это было сущим наказанием для него.

Ему было тридцать лет, и он был президентом корпорации «КейКи», одной из самых успешных компаний в стране в области технологических стартапов. Он уже не был ребенком, которого нужно было контролировать. Многие годы он уже ни перед кем не отчитывался, не нуждался ни в чьем одобрении и не собирался ни в чем оправдываться.

Но все эти соображения улетучивались из его головы, когда на него был направлен взгляд этих ярких голубых глаз, заставлявший его почувствовать себя ребенком, которого застукали за тем, что он уже неделю прячет под кроватью бездомную собачонку.

Черт.

Родительские нотации были невыносимы.

– Грейсон, твое упрямство становится просто смешным, – раздраженно сказала его мать. – Ты уже доказал, что можешь быть самостоятельным. Ваш с Гидеоном

Найтом маленький бизнес-проект удался. Но сейчас твой отец нуждается в тебе. Вся семья нуждается в тебе. Пора перестать играть в президента и занять свое место в «Чендлер интернэшнл». Это твоя ответственность. Твой долг.

Он стиснул зубы, сдерживая поток ядовитых слов, которые обжигали его горло. «Маленький бизнес-проект». «Пора перестать играть». Словно создать свой бизнес без какой-либо моральной и финансовой поддержки его богатой и влиятельной чикагской семьи было все равно что выиграть игру в монополию. Всего несколькими словами она перечеркнула годы его и Гидеона упорного труда и достигнутый ими успех.

Ему следовало бы уже привыкнуть к такому отношению. К безразличию к его достижениям.

К нему самому. Он ведь был всего лишь вторым сыном Дерила и Чериз Чендлер, незапланированным ребенком. Но почему-то его это продолжало больно задевать.

И не важно, что его компания стала одним из главных и успешных проектов на финансовом рынке. Главное, что она не имела отношения к «Чендлер интернэшнл».

Проклятье.

Грейсон сунул руки в карманы своего смокинга и отвел глаза в сторону. Чувства вины и стыда сжали его сердце.

Но, по крайней мере, он был жив.

Чего не мог сказать о себе Джейсон.

И потому что его мать потеряла любимого сына, Грейсон сдержал резкий упрек, который вертелся у него на языке.

– Я отношусь к своей компании так же серьезно, как отец относится к своей. Я понимаю свой долг перед семьей, но я уже не раз говорил вам обоим, что я несу ответственность и за свою компанию.

– Не прикидывайся тупым, Грейсон. Это не одно и то же.

– Мама, – перебил он ее. – Сейчас не место и не время для этого разговора.

Она открыла было рот, но промолчала. Только опасение подать повод для сплетен могло заставить ее замолчать.

– Чериз, как я рада снова видеть вас, – пропел женский голос.

Этот приятный мягкий голос не должен был бы вызывать у него отвращения. Но ему не нужно было оглядываться, чтобы узнать, кому принадлежит этот певучий голос и легкий цветочный аромат, который он ненавидел.

– Эделин! – воскликнула его мать, приветствуя Эделин Хейс с распростертыми объятиями. – Ты, как всегда, восхитительна!

Грейсон отступил на шаг, глядя, как мать тепло обнимает его бывшую невесту. Ту, которая чуть не стала миссис Грейсон Чендлер.

Ту, которая полтора года назад нанесла ему такой удар в спину, что он до сих пор испытывает фантомные боли.

Она совсем не изменилась. Все так же невероятно красива, с огромными зелеными глазами, точеными чертами лица, прелестным ротиком и длинными блестящими волосами, черными как вороново крыло – или как ее душа. Темно-синее платье облегало ее маленькие груди, тонкую талию и стройные бедра.

Нет, она ни капли не изменилась. В отличие от него.

Ее красота больше не пробуждала в нем желания. Эти угли давно превратились в золу.

– Грейсон, – промурлыкала Эделин, поворачиваясь к нему и беря его мать под руку. – Я не знала, что ты будешь на этом гала-приеме. Очень рада видеть тебя.

– Привет, Эделин.

Будь он проклят, если солжет ради приличия, что рад видеть ее.

– Я скучала по тебе, – пробормотала она, словно его мать больше не была рядом и в огромном бальном зале, заполненном людьми, не существовало никого, кроме них двоих. – Нам нужно бы как-нибудь поужинать вместе и наверстать упущенное.

– Мне нравится эта идея, – подхватила его мать, похлопывая Эделин по руке. – Мы тоже скучали по тебе. Я планирую позвать гостей к ужину на следующей неделе. Ты и твои родители приглашены. Я позвоню твоей матери, чтобы официально пригласить вас.

Этот разговор казался совершенно безобидным, но что-то было не так. Вся эта легкость была слишком наигранной. Слишком фальшивой.

– Играешь в сваху, мама? – спросил он скучающим тоном, не отражавшим неприязни и ярости, которые охватили его. – Тебе не кажется, что это не достойно тебя?

– Нет, если ты будешь и дальше скакать от женщины к женщине, как проститутка мужского рода, – резко возразила она, и это было не в первый раз, когда он слышал эти слова.

Проститутка. Плейбой. И снова эти слова больно задели его.

Скривив губы в усмешке, он отвесил иронический поклон.

– Спасибо, мама. А теперь скажи, что ты чувствуешь на самом деле, потому что мне кажется, что ты чего-то недогоговариваешь.

Она фыркнула и перевела взгляд на Эделин, которая наблюдала за ним с хищным блеском в глазах. Блеском, который означал неприятность. Для него.

– Тебе тридцать лет, и пора уже перестать вести себя, как ребенок. Будущий генеральный директор «Чендлер интернэшнл» должен иметь жену, которая поддерживала бы его. Совет директоров не примет человека, чье имя и фотографии появляются в желтой прессе чаще, чем в деловых новостях.

Он замер.

– Ну, полагаю, это к лучшему, что я не собираюсь стать генеральным директором «Чендлер интернэшнл». Так что совету директоров не придется заниматься моей частной жизнью. А теперь прошу простить меня. Я вижу кое-кого, с кем мне нужно поговорить. – Он наклонился и сухо поцеловал мать в щеку, а потом кивнул Эделин. – Мама. Эделин.

Не дожидаясь комментариев по поводу его грубости, он отошел от женщин, с каждым шагом чувствуя, как ослабевает узел, который уже затягивался на его шее.

Ему следовало бы знать, что так случится. Его мать не скрывала желания увидеть его женатым и остепенившимся. Особенно в последние полгода.

С тех пор как умер Джейсон.

При мысли о брате у него сжалось сердце. С разницей в тринадцать лет, с пониманием, что Джейсон был всегда любимым сыном для родителей, они не были близки с братом. Но Грейсон любил брата и уважал его. И его трагическая смерть от аневризмы мозга потрясла Грейсона.

Но уже вскоре после смерти брата его родители начали давить на него, чтобы он оставил свой бизнес и вернулся в семейную компанию. Чендлеры были знатной американской фамилией, и, когда их наследник умер, второй сын должен был занять его место и выполнить свой долг. Что означало, что он должен вернуться в семейный бизнес и жениться на респектабельной женщине.

Петля на шее снова стала затягиваться, и он ослабил галстук-бабочку. Господи, одна мысль о том, чтобы снова оказаться под колпаком у своего отца, отчитываться перед советом директоров, состоявшим из таких же, как он… Лишиться независимости… Жить по правилам, принятым в семье Чендлер – одной из самых старых и богатых семей в Чикаго…

Он уже задыхался.

Черт, ему нужен свежий воздух.

Он, не останавливаясь, пересек бальный зал и направился к дверям, желая как можно быстрее выбраться отсюда. Покинуть эту толпу, состоявшую из самых влиятельных людей в городе. Его друзей. Его деловых партнеров.

Но он хотел лишь одного – сбежать отсюда.

Сбежать от них ото всех.

Глава 2

Последнее место, где ожидала оказаться Надя Джордан, был огромный особняк на Норт-Шор, который не посрамил бы и французского аристократа. И как видно, охранник при входе разделял это мнение, окинув скептическим взглядом ее растрепанные волосы, кожаный пиджак и потертые джинсы.

Но к ее оправданию нужно сказать, что это был субботний вечер и она возвращалась с бейсбольного матча, в котором принимал участие ее брат.

И срочный звонок от ее босса привел ее к этому особняку. Для нее, старшей сестры и опекуна брата-тинейджера, срочный звонок подразумевал больницу, приступ астмы или сломанные конечности. Но, очевидно, ее босс, вице-президент корпорации «КейКи», имел другое представление о кризисах. Оно включало гала-прием, смокинг и белую сорочку, испачканную креветочным коктейлем.

Когда он позвонил ей, Надя хотела сказать, что у нее выходной день. Но будучи приезжей из крохотного городка Татумвилля в Джорджии, она считала, что ей повезло, когда она получила работу секретаря в одной из успешнейших в стране технологических компаний. А имея брата, участие которого во всех факультативных занятиях в школе ей приходилось оплачивать, да еще с перспективой платить за его обучение в колледже, она не могла позволить себе сказать «нет» в ответ на иногда довольно идиотские требования своего босса.

Работа секретаря вовсе не была ее заветной мечтой. Эта честь принадлежала профессии медсестры. Но она не могла позволить себе уехать из дома, чтобы

получить соответствующее образование, потому что не могла оставить брата на попечении матери, которая не отличалась развитым материнским инстинктом. Надя заботилась об Эзре с того момента, когда мать вернулась с ним из родильного дома. Хотя тогда ей было всего семь лет. И она бы сделала все, что угодно, лишь бы у него были возможности, которых не было у нее.

Этим и объяснялся тот факт, что она стояла в вестибюле грандиозного особняка, держа в руках пакет с чистой сорочкой, и ждала от охранника разрешения пройти в дом.

– Мэм, вашего имени нет в списке гостей, – сказал охранник.

Она сдержала желание закатить глаза. Конечно, не нужно было быть Шерлоком Холмсом, чтобы понять, что она принадлежала к миру линолеума и светильников массового производства. Решительно не к этой альтернативной вселенной, с золотой и мраморной плиткой и громадными хрустальными люстрами.

– Я знаю. Мой босс, мистер Терранс Веббер, находится здесь в числе гостей. Я его секретарь, и он попросил меня принести кое-что для него. – Она указала на свой пакет. – Он заверил меня, что уведомит охрану, чтобы меня пропустили к нему. Я ненадолго.

– Одну минуту, пожалуйста.

– Конечно.

Она заставила себя улыбнуться, хотя в этот момент ей больше всего хотелось оказаться дома, устроиться на кушетке в гостиной, закутавшись в шерстяной плед, и включить телевизор, чтобы посмотреть фильм ужасов.

Охранник стал переговариваться с кем-то по рации, а Надя старалась не глазеть, разинув рот, на признаки богатства, окружавшие ее. Лестница с позолоченными перилами могла выступать в качестве декорации для какого-нибудь классического голливудского фильма. Картины на стенах были очень старыми и поэтому наверняка очень дорогими. А огромный камин, также инкрустированный золотом, занимал почти всю дальнюю стену.

Значит, вот как жил один процент населения.

Это было познавательно.

И чертовски устрашающе.

Наконец охранник закончил свои переговоры и посмотрел на нее:

– Мистер Веббер сейчас находится в мужском туалете в восточном крыле. Он сказал, что встретит вас там. Когда дойдете до конца вон того коридора, поверните направо. Мужской туалет расположен по левой стороне, последняя дверь.

– Спасибо.

Она пошла по коридору, чувствуя облегчение и торопясь покончить со своим поручением, чтобы скорее вернуться к реальной жизни. Но она испытывала неприятное ощущение в области желудка.

С тех пор как переехала в Чикаго, она не испытывала этого ощущения. Но в Татумвилле это чувство было ее частым гостем. Это ощущение собственной незначительности. Если ты являешься дочерью самой порицаемой в городе женщины, которая к тому же горькая пьяница, люди считают тебя недостойной их внимания. Но когда они с Эзрой уехали из родного города и поселились в Чикаго, Надя поклялась, что больше не позволит ничему и никому заставить ее чувствовать себя такой незначительной.

Она шла по коридору, когда запищал ее мобильный телефон. Она остановилась, достала его из сумочки и поморщилась, прочитав сообщение:

Терранс Веббер: «Где ты, Надя? Мне срочно нужна сорочка. Ужин вот-вот начнется».

Сделав глубокий вдох, она задержала дыхание на несколько мгновений, потом медленно выдохнула. Грубить боссу было категорически нельзя.

Надя: «Я только что приехала. Буду у туалета через минуту».

Она сунула телефон в задний карман. Чем быстрее она покончит с этим, тем…

– Ой!

Она с шумом выдохнула, натолкнувшись на стену, которая возникла перед ней посреди коридора. Она отшатнулась, и пакет выпал у нее из рук. Большие, сильные руки схватили ее за плечи, не дав ей упасть вслед за сорочкой мистера Веббера.

– Спасибо. Простите…

Слова замерли у нее на устах, когда она встретилась взглядом с этими невероятными глазами. Это называлось гетерохромией. Один глаз был ярко-синим, другой зеленым. Поразительно и очень красиво. И такие глаза были только у одного известного ей человека.

У Грейсона Чендлера. Президента корпорации «КейКи». Ее работодателя.

И мужчины, в которого она втайне была страстно влюблена уже больше года.

«О, Господи! Ты не можешь быть так жесток!»

Но когда Грейсон, склонив голову набок, окинул ее изучающим взглядом с ног до головы, она вынуждена была признать, что Бог решил ее наказать. Потому что зачем иначе он позволил ей столкнуться с этим красавцем, когда она выглядела так, будто провела весь день на помойке?

Он наклонился и подобрал с пола ее пакет. Выпрямившись, он протянул его ей, и его губы дрогнули в улыбке. Эти губы… Полные, чувственные, с маленькой ямочкой в центре верхней губы. Ее пальцы чесались от желания прикоснуться к ней, почувствовать ее мягкость. Она поежилась и по знающему взгляду его глаз поняла, что он прочел ее мысли.

– Я слышал, что Золушка появилась на балу с опозданием, но она была одета в роскошное платье. И не тащила с собой это платье в пакете. – Он протянул ей пакет и приподнял бровь. – Я думаю, что вам следует найти другую волшебную крестную.

– Да, Золушку обслуживали по высшему разряду, – пробормотала она, беря у него из рук пакет.

Он громко рассмеялся.

– А вас обслуживают не по высшему разряду? – спросил он, засовывая руки в карманы брюк.

От этого движения его пиджак распахнулся, представляя взору белоснежную сорочку, обтягивающую мускулистую грудь и плоский живот. Она почувствовала, как ее обдало жаром.

– Тогда вы будете первой, – сказал он. – Я прежде никогда не встречал анти-Золушки и должен признать, что меня разбирает любопытство. После того как вы переоденетесь, вы позволите мне проводить вас в бальный зал?

Она замерла от стыда. Она попала в волшебную сказку и встретила Прекрасного Принца, но, вместо того чтобы быть усыпанной драгоценностями и прекрасно одетой принцессой, она была бедной посудомойкой. Не хватало лишь золы на ее лице.

Она вздернула подбородок. Она может быть смущена, но, черт возьми, она не покажет этого.

– На самом деле я здесь, чтобы отнести сорочку моему боссу. Это он ваш гость, а не я.

Он нахмурился.

– Сегодня суббота. Разве у вас не выходной?

Она пожала плечами:

– Формально да. Но когда звонит ваш босс…

– Но вам заплатят за сверхурочные? – настаивал Грейсон.

Она не ответила. Они оба знали ответ. И судя по тому, как он нахмурился и помрачнел, этот ответ ему не нравился. Но почему у нее по спине побежали мурашки?

– Как зовут вашего босса? – спросил он.

Нет, потребовал. Его жесткий тон не признавал отказа. И снова она почувствовала прилив возбуждения. Ее соски затвердели, пульс участился, лоно увлажнилось.

Она должна взять себя в руки. Учитывая все, что она видела в детстве между ее матерью и ее «бой-френдами». Во многих отношениях Грейсон напоминал ей их. Богатые. Красивые. Столпы общества. Респектабельные. Недоступные. За исключением тайных свиданий с ее матерью на задворках баров или на задних сиденьях дорогих машин.

Да, он очень напоминал этих лицемеров, от которых ей следовало бы держаться подальше. Но с первого взгляда ее влекло к этим разноцветным глазам, резким скулам, точеному носу и упрямому подбородку. К чувственному соблазну его губ. К элегантной фигуре с широкими плечами, узкой талией и длинными мускулистыми ногами.

Но в отличие от тех мужчин, которые игнорировали ее мать при встрече на улице, но не могли насытиться ею в более укромных местах, Грейсон, казалось, обладал цельностью характера. В те несколько раз, когда они сталкивались на работе, он был вежлив и уважителен. Он не пялился на ее пышные груди и еще более пышный зад. Никогда не делал двусмысленных намеков и предложений. И это только усиливало ее помешательство на нем.

– Золушка, – сказал он, шагнув ближе к ней.

Она смотрела на него, как завороженная добыча под гипнотическим взглядом хищника.

– Его имя?

– Почему, – заикаясь, выдавила из себя она, – почему вы хотите это знать?

– Чтобы я мог вежливо поговорить с ним о том, что нельзя пользоваться своим положением, заставляя подчиненных выполнять его прихоти, и не компенсировать им сверхурочные часы.

– Я не могу сделать это. Во-первых, мне нужна эта работа. А во-вторых, это всего лишь небольшая услуга.

– О нет, напротив, – промурлыкал он. – И вам нечего беспокоиться из-за своей работы, Золушка. Кем бы он ни был, он не посмеет уволить вас.

Высокомерие и удовлетворение, прозвучавшие в его голосе, не должны были быть такими сексуальными, но, черт возьми, они были. И даже то, что он не помнил ее, хотя они встречались много раз, не уменьшило ее влечения к нему. Ее это задело? О да, даже очень. Но она работала в его компании, а не конкретно на него. И если жизнь чему и научила ее, так это быть реалисткой. Мужчины, которые постоянно фотографируются с утонченными, худощавыми, роскошными светскими львицами, актрисами и моделями, не станут обращать внимания на провинциальную, чуть полноватую, скромную секретаршу.

– Я ценю вашу заботу, но мой рот на замке, и мне действительно нужно…

– Что потребуется, чтобы открыть этот замок? – пробормотал он, и она замерла от шока, когда его взгляд остановился на ее губах.

Она нервно прикусила губу, и в его глазах что-то промелькнуло. Если бы это был какой-то другой мужчина, она сочла бы это за похоть. Но не он. Никогда.

– Скажите мне, что я должен сделать.

Она откашлялась.

– Я не…

И тут коридор погрузился во тьму.

– Какого черта? – резко выдохнул Грейсон.

Да. Действительно, какого черта?

Глава 3

Трейсон посмотрел на женщину, сидящую на полу в коридоре. При свете телефона он видел длинные, сногсшибательные ноги, вытянутые перед ней и скрещенные у щиколоток. Господи, что эта женщина делала с простыми джинсами!

С трудом отведя взгляд от ее соблазнительных бедер, он снова посмотрел на экран телефона.

– Свет отключился во всем городе, – чуть хрипло сказал он. Так неожиданно и так неуместно в нем вспыхнуло желание. – Я не могу никому позвонить, но мне удалось отправить несколько сообщений. Мой друг сообщил мне, что полиция советует оставаться всем на местах. Что для нас не будет большой проблемой. Похоже, технический гуру, владелец этого особняка, установил какую-то крутую охранную систему, которая не так сработала и заперла нас в доме. Так что, пока не возобновят подачу энергии, мы в ловушке.

– Черт, – пробормотала она, проводя рукой по своим густым коричневым волосам.

Нет, не коричневым. Это было неадекватное описание потрясающей смеси золотых, медных и каштановых оттенков.

– Да, боюсь, вам придется мириться с моим обществом в ближайшем обозримом будущем.

Он опустился на пол, положив телефон между ними, так что фонарик освещал небольшое пространство вокруг них.

– Смотрите на светлую сторону произошедшего. Я мог бы быть вашим боссом.

Он все еще был зол на избалованного, эгоистичного ублюдка, который заставил свою подчиненную ехать в выходной день через весь город, чтобы привезти ему сорочку. Она не говорит, кто он, но он твердо намерен выяснить это. А когда выяснит, он с удовольствием выскажет ему все и нагонит на него страх Божий. Нет, не Божий – страх Чендлера.

– Это правда, – рассеянно ответила она, и у него сжалось сердце. Ее улыбка могла бы осветить все здание. Нет, черт возьми, весь город. – Ох, слава богу. Он в безопасности.

– Кто в безопасности? – спросил он, потому что, черт возьми, ему хотелось узнать больше о ней. Женщина, которая появилась на светском мероприятии в кожаном пиджаке и обтягивающих джинсах, была гораздо привлекательнее женщин в парадном платье и драгоценностях.

– Мой брат, – сказала она, чуть помедлив. – Я оставила его в доме друзей, где он играл в бейсбол.

– А вы пытались связаться с вашими родителями? На случай, если он не сможет этого сделать?

– Нет, мы живем одни.

– Простите, – пробормотал он, сжимая пальцы в кулаки, чтобы не поддаться желанию сократить дистанцию между ними и обхватить ладонями ее прелестное личико. – Я тоже испытал тяжесть утраты.

Ее глаза, темные, как кофе эспрессо, смягчились. Она покачала головой.

– Мои родители живы. Просто мы с братом живем отдельно от них. Я его опекун. Мы переехали в Чикаго чуть больше года назад.

У него в голове возникло множество вопросов, потому что его интерес к этой ослепительно красивой женщине был неуемным. И это должно было бы насторожить его. Последняя женщина, к которой он испытывал лишь десятую доли такого магнетического влечения, как сейчас, нанесла ему глубокую рану, задев его сердце и его гордость.

Но кое-что он уже узнал. Этот мелодичный медовый акцент. Решительно не чикагский. Она не упоминала, откуда они с братом приехали, но он готов был поспорить на бутылку любимого виски, что она жила где-то на юге. Эти протяжные гласные и мягкие согласные окутывали его, как горячая ласка. Ему хотелось раздеться догола и купаться в этом медовом голосе.

Он покачал головой, словно это могло прогнать такие мысли. И тем не менее не смог оторвать глаз от ее лица. Когда он столкнулся с ней и она подняла голову, в первый раз в жизни он потерял дар речи. Глядя в темно-карие глаза, сверкавшие на этом прекрасном лице, он почувствовал, как у него перехватило дыхание.

Огромные глаза с длинными ресницами, высокие скулы, точеный нос. И губы – полные, идеальной формы, которых ему страстно хотелось коснуться кончиком пальца, чтобы ощутить их мягкость. Такие губы могли воодушевлять на сочинение как возвышенных сонетов, так и непристойных лимериков.

А ее тело!

Поношенный пиджак, простая белая футболка и потертые джинсы не скрывали ее роскошных форм. Тонкая талия подчеркивала крутой изгиб ее бедер… Он страстно хотел дотронуться до нее, оставить свои отпечатки на ее коже… Невероятно длинные ноги и эта задница. Он на мгновение закрыл глаза. Бог давал такие лишь тем, кого очень любил. И Он, должно быть, очень сильно любил ее, потому что ее задница была упругой, округлой, созданной для обожания.

Да, при первом же взгляде на эту женщину все мысли вылетели у него и головы, а его тело загорелось, как спичка, брошенная в лужу бензина. Даже на Эделин у него никогда не было такой реакции.

И сидя рядом с этой женщиной, он не мог отрицать того, что хочет ее. Хочет приникнуть губами к ее губам, к ее золотистой коже. Хочет, чтобы это роскошное тело, влажное от пота и горячее от возбуждения, прижалось к нему.

И такие сильные чувства грозили ему бедой. Он мог бы совершенно потерять голову, помешаться на этой женщине, сидевшей рядом с ним. От нее исходил аромат ванили и влажной земли, и этот аромат сводил его с ума. Черт, а он даже

не знал ее имени!

И это до смерти пугало его.

– Как вас зовут? – требовательно спросил он.

Ее колебание было коротким, но он все равно уловил его.

– Надя, – сказала она.

– Рад познакомиться, Надя, – пробормотал он и протянул ей руку. – Грейсон.

Она снова немного заколебалась. Но потом вложила руку в его ладонь. И когда по его телу пробежал электрический разряд, он тут же пожалел, что дотронулся до нее. И только гордость не позволила ему отдернуть руку.

Он посмотрел ей в глаза, ожидая увидеть там такой же шок. Но вместо этого увидел покорность. И тайну. Он напрягся. Опыт подсказывал ему, что она что-то скрывает от него.

Он медленно отпустил ее руку.

Отвернувшись от нее, он уставился в темноту.

– Почему вы не хотели назвать мне свое имя? – спросил он наконец, отбросив такт и правила приличия, которые вдалбливали ему с детства. – Мы знакомы?

Она резко втянула в себя воздух, и он внимательно посмотрел на нее. Но ее лицо было совершенно бесстрастным. Либо ей нечего было скрывать, либо она была чертовски хорошей лгуньей.

– Нет, – прошептала она. – Мы незнакомы.

В ее голосе прозвучала искренность, и он немного расслабился.

– Полагаю, я просто не видела смысла в том, чтобы называть свое имя. Если бы не отключение электричества, наши пути не пересеклись бы. А когда подачу электричества возобновят, мы снова станем незнакомцами друг для друга. Мы можем познакомиться, чтобы скоротать время, но нам на самом деле этого не очень хочется. Это… нечестно.

Ее объяснение поразило его. Нечестно. Что он знал об этом?

В обществе, в котором он вращался, ложь была во всем. Он не сталкивался с такой искренностью, поэтому не стал отвечать банальными пустыми фразами. Ее честность заслуживала большего.

– Вы правы, – сказал он, – и в то же время не правы. Если бы я не сбежал из этого зала, мы не встретились бы. Сейчас вы были бы где-нибудь снаружи, на стоянке, а я оказался бы заперт в темноте с людьми, которых не хотел бы знать, и, по всей вероятности, сходил бы с ума. И хотя бы из-за этого я рад, что мы встретились. Потому что, Надя, мне гораздо приятнее быть здесь с вами, чем находиться в бальном зале в обществе знакомых незнакомцев, которых я знаю уже многие годы.

Она уставилась на него. Ее красивые губы приоткрылись, а глаза цвета кофе расширились от удивления.

– И в другом вы тоже не совсем правы. Верно, когда зажжется свет и мы уйдем отсюда, мы, вероятно, больше не встретимся. Но в настоящий момент я очень хочу узнать побольше о Наде с ее прелестными губками, потрясающими формами и незадачливой крестной феей.

Может быть, не стоило говорить о ее губах и теле, но, если они хотят быть честными друг с другом, он отказывается скрывать, насколько привлекательной он ее находит. Черт, привлекательной. Такое слабое определение для того сумасшедшего желания исследовать каждую клеточку ее тела, которое он испытывает.

Она опустила глаза и тихо спросила:

– Почему вам понадобилось уйти из бального зала?

Он ответил не сразу. И лишь когда она подняла глаза и посмотрела на него, прошептал:

– Чтобы найти вас.

Глава 4

Надя мучительно старалась сохранить невозмутимый вид. Не позволить этому влечению отобразиться на ее лице. Особенно под изучающим взглядом Грейсона, который, казалось, разрушал один за другим защитные барьеры, которые она возводила годами. Она не могла позволить ему увидеть, что она не уверенная в себе женщина, которая, как может, воспитывает брата, постоянно опасаясь, что сделает что-нибудь не так, как это было с ней и ее матерью.

Но боже! Он просто искушал ее, заставляя ее покориться молчаливому приглашению, светившемуся в его поразительных глазах.

Грейсон Чендлер, президент корпорации «КейКи», один из самых успешных бизнесменов на финансовом рынке, золотой мальчик из могущественной семьи Чендлеров, не мог хотеть ее. Не Надю Джордан из маленького Татумвилля, дочь Марион Джордан, городской скандальной пожирательницы мужчин и горькой пьяницы.

С того времени, как Надя стала достаточно взрослой, чтобы понимать, что происходит, она видела, как мужчины похотливо и оценивающе смотрят на большие груди Марион, ее широкие бедра и не слишком маленькую задницу. Эти богатые столпы общества могли игнорировать ее на людях, когда стояли рядом со своими женами и дочерьми. Но под покровом темноты, тайно, они никак не могли насытиться дерзким смехом Марион, ее небрежной сексуальностью и, конечно же, ее телом.

И когда Надя подросла и ее формы начали округляться, их грязное внимание переключилось на нее. Почти все жители их городка ждали, что она пойдет по стопам своей матери. Яблоко от яблони. И она достаточно рано научилась уклоняться от жадных похотливых пальцев и избегать темных переулков, где

подростки и даже взрослые мужчины могли поймать ее в ловушку.

Именно поэтому она уехала из Татумвилля при первой же возможности. Она переехала, чтобы ее не рассматривали только как дочь ее матери. И она хотела дать брату шанс расти в более здоровом окружении.

Она не стыдилась своего тела. И все же она видела фотографии в журналах и в Интернете, на которых Грейсон был запечатлен с женщинами, которые были ее противоположностью.

К тому же следовало помнить о его богатстве.

Он мог не знать подробностей о ее происхождении, но по ее одежде и речи он должен был понять, что между ними не просто лежит пропасть – эта пропасть огромна.

Она не доверяла богатым мужчинам. Слишком часто она видела, что ее мать не только использует таких мужчин ради получения от них денег и подарков, но и позволяет им использовать ее. Ничто из того, что они давали Марион, она не получала даром, и по опыту Надя знала, что богатые люди не дают ничего, не ожидая чего-то взамен.

Она завороженно смотрела на Грейсона, и его слова «чтобы найти вас» все еще звучали у нее в голове. Но она напомнила себе об уроках, полученных ею в этой жизни. Она пыталась противиться слабому голосу, звучавшему в ее ушах и говорившему, что какая может быть беда, если она хоть раз позволит себе расслабиться? Кому это повредит, если она возьмет что-то от жизни?

– Вы не кажетесь мне человеком, верящим в эту чепуху вроде судьбы, – наконец, сказала она.

– Верно, я не такой, – согласился он. – Я не верю в судьбу, в предначертание и в бескорыстную любовь. Я прокладываю свой собственный путь, сам выбираю, что мне делать, и следую своему выбору. И всегда существуют какие-то условия, во всем есть обратная сторона. Ничто в жизни не бывает бесплатным, – сказал он, словно читая ее мысли.

– И тем не менее…

Она замолчала.

– И тем не менее, – подхватил он, – возможно, это не вы вытащили меня из того бального зала. Но я сейчас здесь. И я не один.

Такой мужчина, как он, не должен быть один. Это… противоестественно.

– Мне кажется, что мужчины, посещающие такие приемы, о которых знает даже такая деревенщина, как я, не часто бывают одни. – Она склонила голову набок. – Если только они сами этого не хотят.

– Вы делаете слишком поспешные выводы, Надя. – В его голосе она уловила сталь. Словно он предупреждал ее, чтобы она оставила этот предмет. Но из чувства противоречия ее желание развить тему только усилилось.

– Ну что ж, не дайте мне делать поспешные выводы, Грейсон. Просветите меня. Расскажите мне что-нибудь о себе. Что-нибудь, чего никто не знает. Что-нибудь, что будет похоронено здесь, в этом коридоре. Между вами и мной.

Он несколько долгих мгновений изучающе смотрел на нее, и Надя не отвела глаз, как бы ей ни хотелось сделать это. Она ждала с замиранием сердца, надеясь, что он ответит. Даже если это будет какой-нибудь пустяк, известный каждому сплетнику. На мгновение она сможет притвориться, что это будет знать лишь она одна.

– Я ненавижу этот претенциозный фальшивый кровосмесительный аквариум, – наконец пробормотал он. – Нет, не аквариум. Цистерну с акулами. Цистерну, заполненную хищниками, которые только и ждут, когда ты дашь слабину, чтобы растерзать тебя. Знаете ли вы, как это утомительно – всегда быть начеку?

– Да, – прошептала она. Боже, ей ли это было не знать? – Но, знаете, насчет акул. Нам они кажутся безжалостными убийцами, но это не так. Они важны для экосистемы океана. В некотором смысле они его защитники. Они позволяют выживать более мелким рыбам. Так что рискну сказать, что, если бы их не существовало, не существовали бы и более слабые, более уязвимые

биологические виды.

На его губах появилась слабая улыбка. Какое счастье, что в темноте он не мог заметить, как она покраснела.

– Я часто смотрю каналы, посвященные животному миру, – пробормотала она. – Но, может быть, вы находитесь в этой цистерне, чтобы защитить беззащитных?

Его улыбка исчезла.

– Меня называли по-всякому в моей жизни, но я еще никогда не был защитником. Вы стараетесь приписать мне благородство, которого во мне нет.

Она почувствовала в его словах отчаяние и боль.

И ее сердце растаяло.

Она накрыла ладонью его руку.

– Я по опыту знаю, что у людей, которые говорят, что в них нет благородства, обычно доброе сердце. Опасаться нужно тех, которые трубят о своем высокоморальном облике.

Грейсон заглянул ей в глаза, и по ее телу пробежала дрожь. И он это заметил.

– У меня не доброе сердце, Надя. Я эгоистичен. Жаден. Избалован. И если бы вы могли читать мои мысли, вы отдернули бы руку, – предупредил он.

Но она не сделала этого, хотя сердце выпрыгивало у нее из груди.

– Ну, давайте, спросите меня об этом, – пробормотал он. – Я по вашим прелестным карим глазкам вижу, что вы думаете. Спросите меня, какие мысли сейчас у меня в голове.

И здесь, в темноте, осторожность покинула ее. Отрезанная от всего мира, в обществе мужчины, о котором столько фантазировала, она чувствовала себя

Евой, тянущейся за яблоком, даже зная, что этого делать она не должна.

Она знала, что это будет самой большой ошибкой в ее жизни.

Но она надкусила яблоко.

– И какие же у вас мысли? – спросила она.

– Вы уверены? – настаивал он. И когда она кивнула, он кивнул в ответ. – Вы столкнулись со мной, но лишь потому, что я уже остановился. Я не мог пошевелиться. Ваша походка просто воплощение сексуальности. Эти ноги завораживают мужчин. А эти чувственно покачивающиеся бедра… Мне хочется впиться в них пальцами, притянуть вас к себе и прижаться губами к вашим губам, которые были созданы для поцелуев. Вот вы какая, детка. Ходячий грех. Воплощение желания. И мне хочется опуститься перед вами на колени и молить вас позволить мне сгореть в этом огне. Вместе с вами.

О боже!

Ее охватило страстное желание. Она вся горела. Одними лишь словами он заставил ее соски затвердеть, а ее внутренние мышцы сжаться. Кровь в ее жилах превратилась в горячую лаву. Ее дыхание участилось.

Она уже представляла его стоящим на коленях перед ней. Его пальцы медленно расстегивают молнию на ее джинсах…

Она закрыла глаза.

– Надя. – Он взял ее за подбородок и приподнял ее голову. – Посмотрите на меня, – приказал он.

И она послушалась.

Он удовлетворенно кивнул.

– Теперь ваша очередь. Скажите мне что-нибудь, чего никто не знает. Что-нибудь, что будет похоронено здесь, в этом коридоре, – повторил он ее слова.

Она всегда была храброй. Никогда не сдавалась. Даже когда у нее не было еды, или денег, или крыши над головой. Но здесь, сейчас храбрость заключалась в том, чтобы проявить эгоизм. Ей хоть раз захотелось быть берущей, а не дающей.

Может ли она взять то, что ей предлагают, и не думать о последствиях? Кому это повредит?

И она была готова к тому, что в понедельник, когда выйдет на работу, она снова превратится в безымянного сотрудника, сидящего на двадцатом этаже. Она снова станет невидимкой.

– Я люблю текилу, – прошептала она. – Но никто не знает, что вы такой же, как текила. Чертовски мощный, горячий и крепкий, как первый глоток алкоголя на голодный желудок. И я с радостью напьюсь, стану одурманенной вами, даже зная, что утром меня ждут похмелье и раскаяние.

Воцарилось напряженное молчание. В его горящих глазах отражалось то же желание, которое сжигало ее.

– Вы осознаете, что вы делаете с таким мужчиной, как я, говоря такое?! – прорычал он.

– Таким мужчиной, как вы? – выдохнула она.

– Я уже говорил вам, что я жадный. Эгоистичный. И возьму без колебания все, что вы предложите мне. Что ты предложишь мне, Надя?

– Себя, – выдохнула она. – На эту ночь. Всю себя.

И от этих слов он потерял контроль над собой. Он наклонился и впился губами в ее губы. Бог мой! Она не была готова к этому. К этому голоду, этому напору.

Он положил руку ей на затылок и запутался пальцами в ее пышной шевелюре. Откинув ее голову назад, он стал осыпать поцелуями ее подбородок, ее шею. И она ахнула, когда электрический разряд пробежал по ее телу, от того места, где были его губы, до ее напряженных сосков и пульсирующего лона.

Стараясь устоять в этом эротическом водовороте, она впилась ногтями в его плечи.

– Иди сюда, – прошептал он.

Он положил руки ей на бедра и притянул ее к себе. И уже через мгновение она сидела верхом на его коленях, а его затвердевший член прижимался к самому укромному местечку на ее теле, отделенный от него лишь тонкой тканью джинсов.

Черт. Он был… Черт, просто огромным! А для женщины, которая не занималась сексом больше года? Просто пугающим.

Но для женщины, которая в первый раз собиралась заняться сексом, не боясь, что мужчина будет потом сплетничать о ней?

Восхитительным.

Раскрепощающим.

По ее телу пробежала дрожь, и она застонала от удовольствия. Их тела разделяла одежда, но она не мешала ей чувствовать его всего. Его силу, его мощь, его твердые мускулы.

Закусив нижнюю губу, она начала двигаться, охваченная желанием, быстро приближаясь к пику наслаждения. Боже! Она готова была кончить, полностью одетая, от одной лишь его близости. Но это ее не смущало.

– Мне приятно, что все это так нравится тебе, детка, – произнес он шелковым голосом, который заставил все ее нервные окончания вздрогнуть. – Но не прячься от меня. – Он нежно большим пальцем высвободил ее закушенную губу. – Я хочу слышать каждый звук, который ты издаешь, каждое слово, говорящее о твоем желании слиться со мной. Не прячь ничего от меня.

О боже! Он был искусителем, вместилищем греха, который призывал ее отбросить всякую сдержанность.

Он умело, что говорило о большом опыте в таких делах, снял с нее пиджак и футболку. И спустя несколько секунд она уже сидела на его затвердевшем члене, полуобнаженная, а он страстно смотрел на нее своими поразительными глазами. Она с трудом подавляла желание прикрыть руками свой простенький бюстгальтер.

И хотя она и не стыдилась своего тела, это не мешало ей испытывать неуверенность и смущение оттого, что она так отличалась от тех женщин, с которыми он фотографировался. На ее мягком плоском животе были уже едва видны растяжки, а ее груди… Ну, они были упругими, но под своей тяжестью немного свисали, а не дерзко торчали, как у женщин с маленьким размером бюста.

– Даже не думай об этом, – сказал Грейсон. Он провел ладонями по ее рукам, по ее плечам, прежде чем коснуться ее груди. – Я уже сказал тебе, чтобы ты не пряталась от меня. Я хочу слышать все звуки, все слова, видеть твое роскошное тело.

– Ты настоящий диктатор, не так ли? – сказала она, приподняв бровь, но не убирая рук с его плеч. – И это всегда позволяет тебе получить желаемое?

– Да, – пробормотал он, проводя подушечкой большого пальца по ее болезненно напрягшимся соскам. – И ты тоже получишь желаемое. – Он ущипнул ее соски, и она вскрикнула. – Разве нет, детка?

Она не ответила, лишь наклонила голову и прижалась губами к его губам. Он не переставал играть с ее грудями, пока она не оторвалась от его губ и не запрокинула голову. Ей страстно хотелось лишь одного – прижаться к его обнаженному телу, отбросить всю мешающую им одежду. Она расстегнула свой бюстгальтер и отшвырнула его в сторону. Он издал почти животное рычание и набросился на ее груди, сжав одну в ладони и впившись губами в сосок другой.

Каждое его движение возбуждало ее все больше и больше. Она была ненасытна. Она зарылась пальцами в его волосы, испытывая одновременно желание прижать его к себе и в то же время оттолкнуть, потому что она была не в состоянии дальше выносить эту болезненно-сладкую пытку.

Он поднял голову и потер пальцем влажный сосок. Потом его рука погладила ее живот и скользнула под пояс джинсов. Она ахнула и замерла, когда ее пальцы коснулись ее набухшего клитора.

Подняв голову, он посмотрел ей в глаза.

– Да или нет? – спросил он.

В его разноцветных глазах горело желание, но в них была и твердая решимость. Его взгляд говорил, что он хочет ее, но, если она скажет «нет», он остановится.

– Да, – сказала она уверенно.

Она жаждала его ласк. Всего его. Она просунула руку под джинсы и накрыла ладонью его пальцы.

– Да, – повторила она.

Она приподняла бедра, и они оба застонали. Их стоны разнеслись по темному коридору, и она не смогла сдержать крика, который вырвался у нее. Они вместе ласкали самые интимные местечки ее тела, прикасаясь к тугому входу в ее лоно. Грейсон расстегнул пуговицу на ее джинсах, за которой последовала молния.

Он погрузил в нее свои пальцы, и она испытала знакомое, но почти забытое ощущение наполненности. И удивилась, как она могла так долго обходиться без этого.

– Дотронься до себя, – приказал он, и она стала послушно ласкать набухший бугорок, в котором были сосредоточены, как ей казалось, все ее нервные окончания.

Она застонала, и он тихо рассмеялся.

– Сделай это еще раз, Надя. Мы вместе заставим тебя кончить.

Задрожав, она стала массировать свой клитор снова и снова, в то время как он подбадривал и хвалил ее.

– О господи, – простонала она, и ее внутренние мышцы начали ритмично сокращаться.

Она закричала, а потом обмякла и прижалась к его телу. Ей хотелось лишь одного – свернуться в клубочек рядом с ним, забыться в летаргии, сделавшей ее тело тяжелым и расслабленным.

Он поднял ее, как тряпочную куклу, быстро снял с нее остатки одежды и уложил ее на свой смокинг, который постелил на пол. А потом навис над ней, и при свете фонарика она видела мощные мышцы на его руках, груди, животе, бедрах. И его член. У нее перехватило дыхание при виде этой набухшей плоти, гордо торчащей из гнезда темных волос. В ней снова вспыхнуло неуемное желание, жидкий огонь растекся по ее сосудам. Грейсон был сексуален, идеален… и невероятно красив.

Слава богу, что у них будет всего одна ночь. Потому что она подозревала, что он способен разбить ее сердце.

Грейсон разорвал обертку презерватива, который достал из бумажника, и быстро надел его. И при виде этого невероятно эротичного зрелища все мысли оставили Надю. Ей хотелось лишь одного – чтобы он наконец оказался в ней.

Протянув к нему руки, она пробормотала:

– Грейсон.

Это было приглашение. Это была мольба.

– Грей, – поправил он ее, устраиваясь между ее ног.

– Что? – застонала она, когда он всем телом опустился на нее.

– Грей, – повторил он. – Близкие люди зовут меня Греем.

«Мы не близкие люди», – вертелось на кончике ее языка.

Но по тому, как пристально смотрели на нее эти сине-зеленые глаза, она чувствовала, что он ждал ее протеста. Секс не делал их близкими людьми, не давал ей никаких привилегий.

И все же это была ночь воплощения фантазий. И это заставило ее прошептать:

– Грей.

В его глазах вспыхнуло удовлетворение. Его стальное тело сильнее прижалось к ее мягким формам.

– Что ты готова была дать мне, Надя? – прорычал он, и головка его члена коснулась входа в ее тело.

– Меня, – ахнула она, когда он одним мощным движением погрузился в нее. – Возьми всю меня.

И он повиновался.

Он обхватил ладонями ее ягодицы и приподнял ее навстречу ему. И начал ритмично двигаться, медленными, сводящими с ума движениями.

Она прижалась к нему, обвив руками его за шею и обхватив ногами его талию.

Этот человек был сексуальным творением Бога.

Он доставлял ей невиданное удовольствие, показывая ей, каким может быть секс. Пока она не призналась себе, что это превзошло все ее ожидания.

Такого она никогда не испытывала.

– Грей! – выкрикнула она, чувствуя приближение оргазма.

– Давай же, детка, – приказал он. Его голос был хриплым, исполненным той же страсти, которая бушевала в ней. – Давай сделаем это вместе.

Словно она только и ждала его приказа, Надя сделала то, что он сказал. Она позволила себе кончить. Это было как удар молнии, пронзившей ее. Она словно парила над землей.

Его хриплый крик разнесся по коридору, но она уже погружалась в темноту. Зная, что утром у нее останутся одни лишь воспоминания.

Глава 5

– Спасибо, Пит, – сказал Грейсон своему водителю, выходя из сверкающего черного но, если задержусь, я возьму такси.

– Да, сэр, – протянул Пит, дотрагиваясь до черной фуражки, на которой Грейсон вовсе не настаивал. – Но просто позвоните мне, когда закончите. Смотрите, что случилось, когда в прошлый раз меня не было рядом. Отключилось электричество. И все застряли в своих домах. Вы явно подвержены всяким неприятностям без меня.

– Да будет тебе, старина, – проворчал Грейсон, но улыбнулся своему водителю.

Пит был для него больше чем водитель. Когда Грейсон был маленьким, Пит был его старшим другом, названым дядей и доверенным лицом. Черт, это Пит познакомил его с тайнами секса. Что было гораздо более познавательным, чем высказывания его отца типа «ради бога, держи в штанах свой член, Грейсон, и не позволяй забеременеть какой-нибудь охотнице за деньгами».

– Хорошего вам дня, – сказал Пит, снова шутливо отсалютовал, сел в машину и тронулся с места.

Грейсон покачал головой, жалея, что его друг упомянул это отключение электричества и то, как он оказался запертым в том чертовом особняке. Он провел весь прошлый день и всю прошлую ночь, стараясь выбросить из головы то, что там произошло. А именно воспоминания о Наде и о самом горячем сексе в его жизни.

Пока это ему не удавалось.

Может быть, если бы он не проснулся в одиночестве на холодном мраморном полу, с его одеждой, пропахшей ее духами… Может быть, если бы на его плечах и спине не было отметок от ее ногтей… Может быть, если бы его член не твердел при одном лишь воспоминании о ее кофейных глазах…

Может быть, тогда он мог бы смотреть на этот вечер как на неожиданный и приятный инцидент.

Но сегодня ему это не удавалось.

Как и вчера.

И завтрашний день казался тоже не слишком обещающим.

Стиснув зубы, он проигнорировал тоску, которая сжала его сердце.

Когда он проснулся в одиночестве, не имея возможности снова увидеть Надю, он испытал горечь и пустоту. Потому что, хотя он и согласился, что это будет приключением на одну ночь, он солгал. После того, как он вкусил прелесть ее восхитительных губ, прикосновение ее роскошного тела, которое он осыпал ласками, ему хотелось большего.

– Доброе утро, мистер Чендлер, – поприветствовал его охранник при входе.

– Доброе утро, Джеральд. Как поживают твоя жена и твой новорожденный малыш?

Парень улыбнулся, и его широкая улыбка говорила о том, что он совершенно счастлив.

– Они чувствуют себя превосходно. Спасибо, что спросили, сэр.

– Это хорошо. Поздравляю вас обоих.

Грейсон кивнул и направился к лифту, испытывая какое-то смутное беспокойство.

Охранник явно был в восторге от своей семьи. И это невольно заставило Грейсона вспомнить его детство. Его родители когда-нибудь испытывали такую гордость и счастье при упоминании его имени? Нет, насколько он помнил. Это его брат всегда вызывал у них такие чувства. И даже несколько раз его сестра Мелани. Но только не он.

Только вчера в ледяном голосе его матери прозвучали разочарование и злость, когда он отклонил ее предложение прийти к ней на семейный обед. Он и так был не в себе после прошедшей ночи, а сидеть за одним столом с матерью и отцом… это было уже слишком для него.

Он с нетерпением нажал на кнопку, вызывая лифт, словно, поднявшись на двадцать пятый этаж, он оставит в вестибюле все свои переживания.

– Это тебе, Джеральд. Поздравляю тебя и твою жену.

Грейсон замер, когда до него донесся звук этого голоса, мягкий и мелодичный. Двери лифта уже открылись перед ним, но он не тронулся с места.

Этот медовый голос. Такой чертовски знакомый. Он звучал у него в голове всю прошлую ночь.

Это было невозможно.

Поскольку он постоянно думал о ней, наверное, это была слуховая галлюцинация…

Он медленно повернулся и увидел стоявшую рядом с Джеральдом женщину, которая протягивала ему маленький подарочный пакет.

Даже издалека было видно, что она довольно высокая, причем скромные черные туфли добавляли ей всего пару дюймов роста. Густые каштановые волосы были стянуты резинкой в аккуратный хвостик. Темно-коричневый костюм, который казался слишком большим для нее, почти скрывал ее пышные формы. Ничто – ни

волосы, ни одежда – не напоминало ту женщину, с которой он провел незабываемую ночь.

Ничто, кроме этого мелодичного акцента, от которого кровь закипела в его жилах.

Забыв обо всем – и о встрече с Гидеоном, и о звонке перспективному клиенту, – он направился назад, к входу. Но не успел он приблизиться к ней, как она повернулась. На ее губах играла слабая улыбка. И тут она подняла глаза. И встретилась с ним взглядом. Ее улыбка тут же исчезла.

Он остолбенел от шока.

Надя. В его офисном здании.

И тут его взгляд упал на знакомый бело-зеленый бейдж, приколотый к лацкану ее пиджака. Сотрудница корпорации «КейКи».

Шок сменился гневом с горьким привкусом предательства.

Его сотрудница.

В субботу она притворилась, что не знает его, но она отлично его знала. Почему она ничего не сказала? Планировала ли она использовать против него то, что произошло? Шантажировать его?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/saymon_neyma/stan-moey-navsegda

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити